

Лена в опасности

Молодая женщина, Лена, на трамвайной остановке в маленьком немецком городе. Она уже десять лет как уехала из Украины. Один трамвай проходит за другим, а она остается на остановке. У нее в руках элегантная сумочка. На ней темное красивое платье, на шее – красный шарф, который ей очень к лицу. Кажется, что она торжественно одета, словно готовится к важной встрече.

Лена сидит на остановке некоторое время, потом вскакивает и начинает обходить ее кругами. В какой-то момент она принимается за свой рассказ.

Лена: Происходило это все где-то в 2000-х годах, под конец долгого исторического периода. И никто уже не удивлялся, это все было элементарно, просто. Ну да, у нас такая страна, не защищенная. В такой стране невозможно находиться, тебе со всех сторон что-то угрожает. Но это уж такая страна. Если тебе повезло тут родиться, ты ее принимаешь, как должное.

Мне было чуть больше пятнадцати лет, когда папа начал мне объяснять, как опасно тут жить, в нашей стране. Я еще ничего не знала. Десять лет спустя я позвонила ему из Лейпцига. Тут было тяжело, я скучала за ним, мне хотелось видеть его, всю семью, хотелось пойти погулять с братом, встретить случайных знакомых на улице.

Но отец сказал мне, ты лучше оставайся там, где ты есть. Голос у него был железный.

«У нас такая страна». У нас Так опасно стало жить в нашей стране.

Мне было не по себе, потому что тогда я словно впервые это от папы услышала. Знаешь, дочка, «у нас так опасно стало жить», а я смеялась про себя: «А когда у нас было не опасно жить?»

В тот момент ужасно, дико было услышать эти слова. Ведь когда такие слова слышишь, тогда действительно ощущаешь опасность.

У нас такая страна!

Поэтому я никогда в Украине не ходила так свободно по улицам, как в Веймаре или Лейпциге. Хотя и тут в последнее время не чувствуешь себя совсем безопасно. Моя подруга шла недавно домой, за ней шел мужчина, поравнялся с ней и как ударит ее кулаком в лицо. Изо всех сил бил, кажется. Такого еще прежде ни с кем из друзей не случилось.

А в чем она виновата? Она ведь просто шла себе домой, песенку напевала, она любит песенки напевать. Еще не было поздно и район у нас спокойный. Когда он проходил мимо нее, он ударил ее. Просто так! Наверное, он тоже человек несчастный, потому что

просто так не бьют. Хотя, бывают и довольно счастливые люди, которые могут ударить, а подумают об этом хорошенько уже намного позже, через день, два дня или через год. Им станет стыдно, чудовищно, неловко, но ничего не попишешь. Они остаются с этими мыслями навсегда. Иногда, правда, им удается отвлечься.

Хотя чаще всего они начинают думать о таком случае беспрерывно. Будто переключатель кто-то нажал, грозовой переключатель. Каждый день такой человек просыпается утром и решает. Все! С сегодняшнего дня я начинаю новую жизнь. Я перестану думать о том, что меня сводит с ума, что заворачивает мои кишки, что вытряхивает мой мозг. Эти мысли доводят меня до иступления. Все! Больше я об этом не думаю. Ну, дурачок, чего нос повесил, со всеми бывает. Поболело и хватит. Сегодня у меня начинается новая жизнь, где я добиваюсь успеха, где я преодолеваю себя. Печалью делу не поможешь. Разве заживут синяки у кого-то, если я буду убиваться?

Если бы все так легко давалось! Такие смелые мысли редко кому помогают. Я слышала, что мучения совести совсем довели до ручки одного неплохого человека.

В Украине у меня чувства безопасности никогда не было. Даже в наших Сумах, а ведь это далеко не такой большой город, как Киев или Харьков. Для девушки или женщины безопасно там не было, особенно, если она вечером возвращалась домой.

А что поделаешь. Сумская область – самая последняя область Украины, а Ямпольский район, откуда я родом – небольшой район, расположенный почти на границе, на самом рубеже области. До нас никому нет дела.

Раньше, наверное, там была сплошная партизанщина. Кругом леса, леса, густые, непроходимые, притягательные. Прямо на границе ведь можно творить, что заблагорассудится.

Мне плакать хочется, говорит моя двоюродная сестра, когда я думаю про леса. И сама я не могу спокойно про леса вспоминать. Леса наши гиблые вывозят сейчас без всякого закона и следствия. Грузовики и вагоны едут всегда ночью или когда темно или очень рано. Это не законно делают, это контрабанда!

Ах!, рядом с нами ведь были такие замечательные леса. Кажется, что можно провалиться в этот лес, упасть в него, как на подушку, такой он чистый, спокойный. Иногда трудно на душе, зайдешь в лес, сразу же легче становится.

Порой друзья спрашивают меня, кто же вырубает эти леса. А их только лишь вырубают, да и все. Как нам узнать, кто рубает. Щепки летят, едут нагруженные грузовики, машины, телеги, едут ночами и рано утром. Леса все меньше становится. Но не ясно, кто за этим делом стоит.

Тетя однажды шла рядом со мной, говорила про лес, рассказывала, рассказывала, а толком ничего не сказала. И, главное, мы все возмущаемся, что за бесценое лес идет. За

какие деньги не знаю, но это, точно, не цена такому лесу.

Знакомы мне наши леса, безграничные, густые, темные. Но когда я последний раз проезжала мимо леса, я увидела большие просеки, где каждое дерево вырублено под корень.

Случай такой вспомнился: один парень поехал выкорчевывать лес, знакомый парень из нашего села и взялся серьезно за эту работу. Стал человеком состоятельным, ни с кем не здоровался, нос задирает, наглым стал и злым. Деньги у него пошли, он думал, что всё ему теперь нипочём. А потом поехал в лес прогуляться и не вернулся.

Ты идешь, и ужасно хочется хоть что-то сделать, когда видишь эти телеги со стволами. Веточки пыль подметают, беззащитные, тонкие. У нас в Украине все раздаривается. Эй! Что еще кому не додали! Раньше я приговаривала: до леса вы еще не добрались. Теперь добрались и до леса.

А вокруг такие села, такие села! Домик к домику, но все разбитые. Когда-то посреди леса располагалось богатое село, электрифицированное, огромное, пример другим селам. О нем и бабушка и дедушка мои рассказывали. Теперь и следа от него не осталось. Стоят три избушки посреди леса, в каждой живут старухи, знахарством занимаются.

Просто так в селе ничего не появится, это нужно каждому понимать. Бывали в Украине процветающие села, да и сейчас некоторые остались. В Харьковской области есть села, куда что-то инвестировали, газ, электричество, а в наши села ничего не вкладывали. Так нас и держали. И никто не удивлялся.

Ведь мы почти на границе, по сути - в лесу. Дела толком никому нет до нас, а на границе можешь, что хочешь, творить.

А мимо нас идут прямо вагоны, грузовики. Какие-то посторонние люди грохочут, жужжат, корчуют, режут, рубят, потому что это выгодно для кого-то. А выехать от нас в наше время почти уже и нельзя. Тетя моя живет в Шостке, ездит в село к бабушке.

В бабушкино село раньше ходил автобус четыре раза в день, потом, когда я училась в школе, он начал ходить два раза в день, а сейчас, говорят, и один раз может не приехать. А как выедешь из такого села? Разве на работу доедешь?

Другому нашему селу невероятно повезло, сюда успели проложить газ. Село сразу солиднее стало. Молодежь некоторая осталась, некоторые даже вернулись.

Совсем не так в том селе, откуда моя бабушка. Она в детстве мне рассказывала-рассказывала: такое село это прежде было! Процветающее, светлое, яркое, посреди леса! А сейчас те, кто там живет, совсем ничем не могут заняться. Самоубийство – о, да, единственная сфера, где молодежь может проявить себя, развить фантазию, приложить силы. Вот и все, что у них есть, что остается.

Самоубийств так много было, что трудно и вспомнить. Когда я начала учиться в университете, один мой ровесник повесился, другого убили ночью, третий выпил на спор спирта и туда же. Тетю иногда спрашиваю, что нового у нас в селе. Она в ответ, соседка с улицы Ленина умерла, другая, еще моложе, повесилась, третья ушла в лес и не вернулась. Все они моего возраста или чуть старше.

Девушка, которая повесилась, она была моложе меня лет на шесть, очень была красивая, думаю иногда, это ее несчастье, что она такая красивая была. Там, где она повесилась, там столько окурков было, одни окурки кругом лежали. А я ее со школы знала. Причину всегда найти можно, это у нас поветрие такое, все кончают собой.

Кто-то спивается, конечно. Но некоторые травятся или делают что другое. Это такие уж села. Они отмечены, судьба у них такая.

Сейчас главная беда, ты оттуда выехать не можешь. Мой брат недавно поехал к бабушке, у нас снегопад начался, дороги и тропинки начало засыпать. Сначала он планировал от бабушки уехать в пять, потом вдруг решил поехать в час дня! Почему так мало побыл ты с бабушкой, бессердечный, спрашивается. На самом деле, это хорошо, что мало. Потому что автобус без расписания в час приехал, дорога уже снегом заметена, кого-то из села вывезли, кто-то так и остался.

Когда я училась в университете, я все еще иногда жила в селах моих родственников. Где бы я ни жила в сумской области, зима ли, осень ли, днем часто и резко отключали свет. Иногда свет появлялся вдруг ночью, тогда люди к работе ночами готовились. Темень кругом, вдруг в пять вечера включают на два часа свет. И я выбирала, - тогда я практику в школе проходила, - что делать: готовить себе поесть или к урокам на следующий день готовиться.

Мы, подростки, мучились без света. Иногда часами по улицам ходили. Читать или готовить уроки было нельзя, учиться тоже особенно было нечему. Мы ходили и часами говорили друг с другом, мечтали, строили планы на будущее.

Тут, где я сейчас живу, никто этого не понимает, некому мне объяснить, что такое, когда в маленьком селе нет света каждый день. Мы сидели, словно в бункере, мы грелись у костров, если удавалось их развести. Мы были рядом друг с другом, но почему-то знали, что все денемся кто куда. Жались друг к другу у костра, а потом забыли, с кем рядом сидели, что это были за дети, за люди.

Устроиться в жизни не просто. Правда, некоторые люди умеют устраиваться. Куда бы они ни пришли, сразу все вокруг них закрутится, начнут предлагать разные возможности. Они обустриваются еще до того, как заходят в новую квартиру. Их всегда выбирают даже из десяти кандидатов. Иногда я думаю, хорошо бы быть таким человеком. Проснулся – и все у тебя в руках. Ты выбираешь, легко, непринужденно что делать, завтракаешь и отправляешься по делам. Я же – даже не знаю, садиться ли в этот трамвай или подождать следующего. Сажу на остановке и думаю, может, еще немного посидеть тут, провести тут время, дать себе передышку, подумать о себе, наконец.

